

Шэнь Нянь, прокашлявшись, с искренней мольбой произнес:

— Ваше Величество, могу ли я попросить у Вас чашку горячей воды? Моё горло сильно болит.

Ци Цзюньму подумал, что он явно переходит границы, но всё же кивнул Жуань Цзицину.

Жуань Цзицин лично поднёс чай, и, когда Шэнь Нянь взял его и начал пить, он не удержался и сказал:

— Маркиз, этот чай собран с вершины горы Юньшань, и его получается совсем немного за год. Сейчас во дворце осталось лишь немного, и только у Его Величества. Вам сегодня повезло.

Шэнь Нянь, услышав это, напрягся и, глядя на Ци Цзюньму с горящим взглядом, сказал:

— Ваше Величество, я всегда путаю листья с чаем. Чай Вашего Величества, несомненно, превосходен. Не могли бы Вы подарить мне немного?

Жуань Цзицин, услышав это, изменился в лице. Он подумал: «Как Шэнь Нянь может быть таким наглым? Этот чай настолько редок, что даже левый канцлер не получил ни грамма. Как он может просить такое?»

Ци Цзюньму равнодушно посмотрел на Жуань Цзицина, а затем на Шэнь Няня:

— Вы пришли ко мне, чтобы попросить что-то хорошее, или чтобы просить о прощении?

Шэнь Нянь, приняв серьёзный вид, поставил чашку на маленький столик рядом и начал свою речь о прощении.

Всё дело было в титуле маркиза. Указ был издан императором, титул был пожалован императором, но его мать, Матрона Вэнь, была глупа и считала, что титул маркиза должен достаться его младшему брату Шэнь Цину.

Матрона Вэнь была пристрастной и любила устраивать скандалы. Она считала Шэнь Няня непочтительным и с плохой репутацией, и действительно хотела, чтобы он уступил место.

Шэнь Нянь не был человеком, которого можно было легко запугать, поэтому он без колебаний отказался, сказав, что если она недовольна, то может сама поговорить с императором. Уступить он не собирался, никогда.

Шэнь Цин, послушав совета какого-то негодяя, обсудил это с матерью, и они начали мечтать о том, чтобы Шэнь Нянь помог Шэнь Цину получить должность.

Шэнь Цин даже выдвинул различные требования: лучше всего было бы получить должность в столице, если нет, то в ближайшем к столице месте, чтобы мать могла его навещать. Если и это невозможно, то в богатом районе Цзяннань на должность уездного начальника...

Шэнь Цин также добавил, что это дело не срочное, так как они всё ещё соблюдают траур, но нужно начать действовать, ведь не все должны соблюдать траур три года.

Он говорил так, словно на троне сидел Шэнь Нянь.

Шэнь Нянь тогда чуть не рассмеялся от их наглости. Если бы не императорский указ, он бы уже начал действовать.

Конечно, все эти мысли он не стал рассказывать императору.

Ци Цзюньму, услышав это, улыбнулся:

— У вашего брата есть амбиции, это хорошо. Ради вас я могу дать ему небольшую должность.

Шэнь Нянь поднял на него взгляд, его лицо оставалось бесстрастным, но в глазах мелькнуло удивление. Он не мог поверить, что император скажет такое.

Ци Цзюньму улыбнулся ещё шире и неспешно произнес:

— Конечно, чтобы стать чиновником, нужно иметь некоторое образование. Ваш брат сейчас какого года получил степень цзиньши? Или хотя бы тунцзиньши.

Шэнь Нянь понял намёк императора и сразу изменил выражение лица, изображая смущение и неловкость:

— Это... мой брат ещё молод и в учёбе всегда был слаб. До сих пор даже не получил степень сюэя.

Сказать, что Шэнь Цин слаб в учёбе, было бы слишком мягко. Он был избалован Матроной Вэнь и едва мог прочитать текст, не говоря уже о сдаче экзаменов.

Ци Цзюньму помолчал и намекнул:

— В таком случае, вам стоит серьёзно заняться образованием вашего брата. Ему нужно попасть на дворцовый экзамен, чтобы в будущем стать чиновником.

Услышав это, Шэнь Нянь уже представлял, как наймёт для своего брата строгого учителя, купит все необходимые книги и соберёт все экзаменационные вопросы за последние годы, чтобы Шэнь Цин их изучил. Он не выпустит его, пока тот не достигнет успехов.

Он был уверен, что у Шэнь Цина не останется времени на общение с негодями и поиск проблем.

Шэнь Нянь всё больше убеждался, что это отличный план. Император действительно был мастером, способным придумать такой коварный метод, который не оставлял следов. Если бы он сам действовал, то, скорее всего, применил бы силу, что, хотя и могло бы быть оправдано как воспитание брата, всё же было менее изящно.

— Благодарю Ваше Величество за совет, — Шэнь Нянь встал и искренне поклонился.

Ци Цзюньму жестом велел ему сесть:

— Не стоит упоминать о таких мелочах. Когда вы планируете вернуться ко двору?

Шэнь Нянь ответил:

— Я буду следовать указаниям Вашего Величества.

— Тогда после Нового года, — сказал Ци Цзюньму. — Все знают, что вы почтительны к отцу и соблюдали траур семь дней на границе перед возвращением в столицу. Ваше присутствие или отсутствие при дворе не говорит о вашей почтительности.

Шэнь Нянь ничего не добавил, просто поклонился в знак согласия.

Ци Цзюньму обсудил с ним ещё несколько вопросов, а затем отпустил его из дворца.

Как только Шэнь Нянь покинул дворец, по дворцу поползли слухи, что император действительно высоко ценит маркиза — усмирителя Севера. Когда маркиз попросил должность для своего брата, император даже не задумался и согласился.

Только узнав, что брат маркиза ещё не получил степень сюэца, император с сожалением отложил это дело, но заявил, что как только брат маркиза сдаст дворцовый экзамен, он обязательно получит должность.

Эти слухи вызвали у одних зависть к братьям Шэнь, считавшим, что Шэнь Нянь невероятно повезло заслужить такое внимание императора.

Другие же возмущались, что Шэнь Нянь, пользуясь своими военными заслугами, нагло заставил императора пойти на такой шаг.

Слухи распространялись всё шире, и к тому времени, когда Шэнь Нянь, опираясь на авторитет императора, уже нашёл для Шэнь Цина самого строгого учителя, история превратилась в то, что Ци Цзюньму и Шэнь Нянь поссорились из-за назначения Шэнь Цина, император хотел отрубить голову Шэнь Няню мечом императорской власти, но Шэнь Нянь, не дрогнув, поднял свой меч, и они сражались в Чертоге Цяньхуа триста раундов, пока Шэнь Нянь не потерпел поражение и не ушёл в свой дом маркиза — усмирителя Севера.

Шэнь Нянь, услышав это, был в шоке.

Его поразило, насколько богатым может быть воображение людей, и больше всего его раздражало, что среди его людей нашлись те, кто пришёл спросить, правда ли это.

Шэнь Нянь тут же выгнал их из дома. Это явно была ловушка императора, и если другие не могли этого понять, то его собственные люди не должны были добавлять ему проблем. Самое обидное было то, что ему приходилось сдерживать своё раздражение.

Ци Цзюньму не придавал особого значения этим слухам, зная, что подобные вещи будут происходить и в будущем. Ближе к концу года все готовились встретить Новый год, и на дворцовых собраниях не было много проблем.

Астрономическое управление по указанию императора выбрало два благоприятных дня: один для закрытия печатей, другой для их открытия.

Император объявил, что печати будут закрыты двадцать второго дня двенадцатого месяца, а открыты — двадцатого числа первого месяца следующего года.

После закрытия печатей дел стало меньше. Ци Цзюньму также заранее отменил новогодний банкет во дворце в память об императоре Цзин.

После такого решения императора другие, чтобы показать своё уважение, также не устраивали пышных празднеств.

Этот год и во дворце, и за его пределами прошёл без особого веселья.

В канун Нового года Ци Цзюньму лично написал несколько иероглифов «счастье» на золотой

бумаге, используя разные стили каллиграфии. В Чертоге Циляня, где проходили дворцовые собрания, он повесил один из них, написанный в стиле цаошу, а те, что были подарены чиновникам, были более традиционными.

Среди императорских телохранителей Ху Цзэ и Ван Цзюнь получили по одному иероглифу, что вызвало зависть у остальных.

Как бы то ни было, первый год правления Ци Цзюньму прошёл тихо и незаметно.

На шестнадцатый день первого месяца следующего года император открыл печати, и чиновники вернулись к своим обязанностям.

Столичный градоначальник Су Жэнь подал доклад, в котором сообщалось, что в канун Нового года цензор Гуань Хань покончил с собой дома, оставив предсмертное письмо. В нём говорилось, что император Цзин был жесток, а Ци Цзюньму унаследовал его характер, не слушая советов чиновников, и потому является тираном. Он готов был умереть, чтобы вдохновить двор на справедливость.

Как только Су Жэнь произнёс это, в зале начались бурные обсуждения.

Молодой император сидел на троне, его взгляд был холоден. Ци Цзюньму понимал, что это была ловушка. Кто-то намеренно убил Гуань Ханя, чтобы показать миру, что император на троне не был милосердным, и подорвать его власть и авторитет.

Ци Цзюньму был уверен, что Гуань Ханя убили, чтобы очернить его репутацию, потому что он знал, что Гуань Хань, хотя и любил выставлять себя напоказ, по сути был похож на старика Ши.

Он был хитрым и любил приспособливаться к обстоятельствам. Самое главное, Гуань Хань происходил из простой семьи и во многих вопросах был терпелив, поэтому он никогда бы не покончил с собой.

<http://bllate.org/book/16626/1521992>